

Незаходящая звезда Боба Дилана

Паскаль БРУКНЕР

«ФИГАРО», ПАРИЖ.

КОГДА во Франции в начале 60-х годов появился рок, он звучал словно фанфары с какой-то другой планеты, сигнал из какого-то неведомого мира, не похожий ни на что доселе известное. Подобно бурному морскому приливу он опрокинул все устоявшиеся обычаи и традиции. Странные названия групп, их варварские созвучия, дикая необузданность ритмов — все это в условиях тогдашней французской провинции говорило нам о чем-то неизвестном, о свободе. Тогда для каждого подростка рок стал как бы свежим ветром, порыв которого смел духовные границы, ограждавшие нашу страну.

Среди героев этой революции в музыке особенно выделялся один — Боб Дилан, который сумел чудесным образом превратиться в миф с момента выхода в свет уже первой своей пластинки. В противоположность другим, более знакомым нам «звездам» эстрады, он, прибыв из-за Атлантического океана, предстал перед нами в двух ипостасях: как мятежник и как провозвестник новых времен, сумевший сплавить воедино прежние стили (кантри, рок, фолк) в странную и непривычную новую музыку.

Он сразу же приобрел славу артиста, в творчестве которого переплелись различные направления культуры, который воплотил в одном лице сразу несколько типов — битника, поэта, американского бродяги, ярого оппозиционера.

Вместе с тем он, казалось, не обладал ничем, что могло бы обеспечить успех: привлекательный, но хрупкого физического сложения, силуэтом напоминавший Чаплина. При этом болезненная застенчивость, хриплый голос и полное отсутствие какой бы то ни было уверенности на сцене. И тем не менее никому не известный сын еврея — торговца скобяным товаром из Хиббинга (штат Миннесота) сумел превратить свои недостатки в сильные козыри. Его словно готовый вот-вот сорваться хриплый голос на грани между криком и молитвенным экстазом стал неким символом, сигналом к объединению для целого поколения. Его хрупкость воспринималась как знак подлинности, его растерянность — как жажда любви, молчание — как свидетельство глубины.

Лишенный всякой экстравагантности, броской внешности, не слишком-то сексапильный, Дилан был певцом

эпохи, предшествовавшей временам самолюбования и индивидуализма. Рассказы о его любовных похождениях и победах никогда не заполняли страниц газетной хроники. Будучи «звездой», он никогда не носился со своим «я», никогда не обнажал перед публикой своего внутреннего мира, но стремился пробудить в душе каждого слушателя стремление к правде, к бунту. Он скорее олицетворял собой совесть, нежели стремился проявлять себя как личность. Творческая плодовитость и легкость делали его способным на маленькие чудеса (в 1965 году он выпускает одну из своих лучших пластинок — «Шоссе-61», весной 1966-го — новый двойной альбом «Блонд он Блонд», который наряду с битловским «Серджем Пепперс Бэнд» считается одним из наивысших достижений рок-музыки 60-х годов). Но оригинальность Дилана была в том, что он сам писал слова и музыку песен, которые представляют собой произведения, достойные, чтобы о них говорили, и заслуживающие притом самой высокой оценки.

В творчестве Дилана музыка переплетена с литературой. В его поэзии банальность нередко сочетается с поразительными находками. Работая над словом, он буквально подвергает его пытке до тех пор, пока стихи по своей сжатости не уподобляются подчас классическим японским трехстишиям. Каждый его альбом превращается в объект ученых толкований, вновь и вновь возбуждая толпы педантов, которые поносят друг друга в спорах по поводу каждого слова.

Дилан получил признание именно как писатель, стал мультимиллионером, героем целой плеяды представителей рок-музыки (от Брюса Спрингстона до Марка Кноффера), персонажем трех десятков официальных биографий и при жизни превращен буквально в музейный экспонат, окруженный легендой.

Дилан стремится учить размышлять, говоря людям о социальных, философских, духовных проблемах окружающего их мира. Поэтому всякий раз, когда он меняет свой стиль или ориентацию, это вызывает бурю гнева среди его последователей.

Будучи сыном своего времени, Дилан остается им и в том, что касается обычной для него манеры отказываться от собственных прежних обязательств. Он настоящий идеологический хамелеон, человек, постоянно провозглашающий все новые символы веры и затем отвергающий их; на протяжении своей карьеры что он только не признавал и не отвергал.

Поначалу — это благоразумный сын американского среднего класса. Потом он станет исполнителем народных песен, возьмется за песни политического протеста, будет признан рупором движения контркультуры, перейдет на исполнение рок-музыки (и будет осужден в 1965 году в Нью-Йорке за то, что начнет играть на электрогитаре), станет злоупотреблять наркотиками, чуть было не погибнет при аварии мотоцикла, вернется к исполнению народных песен и кантри, загорится интересом к Бангладеш, увлечется учением одной из сект, отметит свое тридцатилетие в Иерусалиме у подножия Стены плача, вновь двинется в путь со своей группой «Роллинг Таундер Ревю», затем обратится к вере и вступит в секту «адвентистов седьмого дня», длительное время будет воспевать Иисуса, чтобы потом вновь отречься от веры в ожидании иных увлечений.

Эта смесь политического бунта и мистицизма, сконцентрированность на темах искупления и спасения, обостренная тяга к перевоплощению превращают Дилана в типичного отступника, который испытывает постоянную потребность уничтожать в себе прежнего человека во имя возрождения к новой жизни.

Возможно, эти зигзаги следует также рассматривать как способ перехит-

рить успех, постоянно дистанцироваться от него. Впечатление такое, что Дилан с первых же шагов обуяла боязнь слишком громкого успеха, как будто бы творчество убивало в нем человека, заставляя раствориться в себе. Вся карьера Дилана — сплошные зигзаги, наподобие зубьев пилы, чередование поражений и новых взлетов, ненадежная победа над творческим бесплодием.

Как пережить славу, после того как ты все уже имел? В жизни Дилана то и дело чередуются выпуск блестящих альбомов и катастрофические неудачи. Многие из его концертов становятся форменным образом провалами. Иногда на них казалось, что певец устал от своего положения «звезды». Он был похож на старого, измотанного битника, который интуитивно цедит слова сквозь зубы голосом, который, по злому замечанию одного из критиков, вызывает желание помочь ему высморкаться.

Но — в этом-то и состоит чудо — когда его, кажется, уже «похоронили», он вновь возвращается и как некий Лазарь рока предстает во всем блеске славы, вновь расточая перед своими фанатичными поклонниками потрясающие звуковые сокровища. Что это — резкие и неконтролируемые колебания таланта? Возможно. Однако можно было бы сказать и иначе — он смело вступает в борьбу с провалами в собственной сценической карьере, с тем чтобы с еще большим успехом вновь подняться со дна пропасти, в которую сам себя сбросил.

Дилан мог бы тихо угаснуть в лучах собственной, не имеющей границ славы. Но предпочитает вновь и вновь ставить на кон свой титул «звезды», продолжать писать музыку и тем самым снова испытывать свой талант, чтобы тот либо погиб, либо вспыхнул с новой силой. Столкнувшись с типичной для всех артистов проблемой — истощением вдохновения, Дилан избрал наиболее опасный путь: восстановление через добровольное падение. Возможно, что однажды он будет побежден рутиной и избранная им стратегия добровольного банкротства больше не сможет стимулировать его творческие способности. Но по крайней мере вплоть до сегодняшнего дня этому не имеющему себе равных «акробату» удавалось снова и снова воскалывать, продолжая удивлять всех замечательными мелодиями.